

УДК 343.347.2

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ВЕТЕРИНАРНЫХ ПРАВИЛ
(СТАТЬЯ 284 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)****А.А. ПУХОВ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Анализируются объективные и субъективные элементы и их признаки состава преступления, предусмотренного статьей 284 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Согласно бланкетной диспозиции указанной статьей криминализируется нарушение ветеринарных или зоотехнических правил, повлекшее по неосторожности распространение заразных болезней животных либо причинение ущерба в крупном размере. Следовательно, пределы ответственности за деяния, сопряжённые с трансмиссией заразных болезней животных, установлены одной-единственной нормой. Отмечается необходимость разработки адекватной и эффективной системы уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, сопряжённые с трансмиссией заразных болезней животных.

Введение. Впервые в отечественном законодательстве состав нарушения ветеринарных правил появился с введением в действие Уголовного кодекса (далее – УК) БССР 1960 года (ст. 158) и с некоторыми редакционными изменениями был воспроизведён в УК Республики Беларусь (далее – УК РБ) 1999 года.

Согласно бланкетной диспозиции статьей 284 УК РБ криминализируется нарушение ветеринарных или зоотехнических правил, повлекшее по неосторожности распространение заразных болезней животных либо причинение ущерба в крупном размере. Нарушение ветеринарных правил относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Судебная статистика указывает на то, что норма статьи 284 УК РБ идентифицируется как малоприменимая. Полагаем, что это обусловлено несовершенством конструкции рассматриваемого состава преступления. Состав преступления – это система предусмотренных законом объективных и субъективных элементов и их признаков, которые характеризуют совершённое деяние как преступление в качестве единственного и обобщенного основания уголовной ответственности [1, с. 73]. Чёткая, доступная и адекватная регламентация элементов и их признаков конкретного состава преступления – необходимое и достаточное условие правильной квалификации уголовно-наказуемых деяний.

Объективные элементы. Объект посягательства во многом определяет конструкцию конкретного состава преступления, место преступления в системе норм Особенной части Уголовного кодекса, помогает отграничивать одни преступные деяния от других [2, с. 37]. В отечественной науке уголовного права выделяют общий, групповой, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления.

В качестве непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил наибольшее распространение в литературе получили следующие суждения: 1) «экологическая безопасность» (Н.Г. Иванов, И.Л. Марогулова, В.В. Марчук, Б.В. Яцеленко); 2) её отраслевая составляющая – отношения в области охраны животного мира (Ю.И. Ляпунов, А.Б. Мельниченко, В.А. Нерсесян, С.Н. Радачинский, В.П. Ревин, Л.Ю. Родина); 3) синтез этих концепций (А.В. Борбат, Э.Н. Жевлаков, А.Г. Князев, И.М. Тяжкова, Д.Б. Чураков, А.И. Чучаев).

Рядом исследователей были предложены и другие формулировки, раскрывающие сущность непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил: Т.И. Ваулина – «экологическая безопасность в сфере обеспечения защиты населения от болезней, общих для человека и животных» [3, с. 669]; В.В. Коряковцев, К.В. Питулько – «отношения в сфере охраны животного мира, установленный порядок ветеринарного обеспечения сельскохозяйственного производства» [4, с. 615]; В.В. Сверчков [5, с. 901]; И.Ш. Борчашвили [6, с. 677] – «урегулированная правилами ветеринарии экологическая безопасность общества, обеспечивающая общественно полезную деятельность в сфере животноводства». Последними отмечалось, что дополнительным объектом могут выступать жизнь и здоровье животных, здоровье людей, жизнеспособность и экологическое равновесие экосистем.

Исследователь С.Ф. Миловидова в качестве основного непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил рассматривала «общественные отношения, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическую безопасность животного мира», а дополнительного факультативного объекта – «общественные отношения, обеспечивающие право собственности» [7, с. 623].

Достаточно широко непосредственный объект указанного преступления трактовала Н.А. Лопашенко – «экологическая безопасность, в том числе в виде таких её компонентов, как стабильность окружающей среды, природно-ресурсный потенциал, право каждого на благоприятную окружающую среду». Исследователь указывала и на наличие дополнительного объекта: «качество окружающей среды, состояние её отдельных объектов» [8, с. 139].

По нашему мнению, наиболее приемлемый подход был предложен известным учёным О.Л. Дубовик. В её работах впервые в отечественной литературе встречается формулировка «общественные отношения в области ветеринарно-санитарной безопасности» [9, с. 735]. По утверждению О.Л. Дубовик, «рассматриваемая норма направлена на обеспечение санитарно-эпидемиологической и ветеринарной безопасности населения и территории государства, т.е. охраны жизни и здоровья населения, животных от инфекционных заболеваний, заносимых как из иностранных государств, так и от источников внутри страны» [10, с. 144]. Исследователь указывала на цель применения этой нормы, не затрагивая содержательный аспект понятия «ветеринарно-санитарная безопасность». Это обстоятельство позволяет предложить следующую трактовку общественных отношений по обеспечению ветеринарно-санитарной безопасности – *это комплекс (система) правовых, экономических, технологических, организационных и иных мер, опосредующих ветеринарную (и иную) деятельность и направленных на обеспечение ветеринарного благополучия.*

В литературе последовательно проводится мысль, что состав нарушения ветеринарных правил относится к числу преступлений против экологической безопасности. Следовательно, родовым объектом рассматриваемого преступления выступает «экологическая безопасность». Непосредственный объект преступления имманентно существует внутри родового объекта преступления. Он синхронно должен как отражать принципиальное содержание родового объекта, так и специфицировать его, «уменьшать его объём», придавая тем самым ему неповторимость и уникальность. Вместе с тем полагаем, что в иерархии отношений по обеспечению экологической (родовой) и ветеринарно-санитарной (непосредственный) безопасности отсутствует соединительный элемент. В данном случае речь идёт о необходимости внедрения видовой объекта. Как справедливо замечает А.В. Пашковская, «видовой объект занимает промежуточное положение между родовым и непосредственным и является, таким образом, частью, подсистемой родового объекта, находясь с ним в соотношении «род – вид». Поэтому видовой объект можно обозначить как подгруппу близких, сходных социальных благ, входящую в более широкую группу однородных, однопорядковых ценностей [11, с. 215]. Такой ценностью может выступать медико-биологическая безопасность, которую можно определить как состояние защищённости жизни и здоровья граждан, общества, государства и окружающей среды от вредного воздействия патогенных биологических агентов, инвазионных видов и неинфекционных болезней животных и растений. Под патогенными биологическими агентами следует понимать микроорганизмы (бактерии, вирусы, хламидии, риккетсии, простейшие, гельминты, грибы, микоплазмы), прионы, генно-инженерно-модифицированные организмы, яды биологического происхождения (токсины), способные при попадании в организм человека, животного или растения вызвать клинически выраженное заболевание или носительство, а также любые объекты и материалы, подозрительные на содержание перечисленных агентов; инвазионным видом – адвентивные виды растений и/или животных, интродукция и/или распространение которых угрожает биологическому разнообразию, неинфекционными болезнями животных и растений – болезни, возникающие под влиянием абиотических факторов, т.е. неблагоприятных условий среды, без участия патогенных организмов и характеризующиеся отсутствием трансмиссии от больных субъектов к здоровым.

Институционально медико-биологическая безопасность – видовой объект для уголовно-правовых норм, опосредующих обеспечение ветеринарно-санитарной безопасности (ст. 284 УК РФ), фитосанитарной безопасности (ст. 280 УК РФ), биологической безопасности и безопасности генно-инженерной деятельности (ст. 278, 279 УК РФ).

Предмет посягательства. Предметы внешней среды, воздействуя на которые лицо нарушает или может нарушить определённые общественные отношения, принято считать предметом преступления [1, с. 95].

Наиболее распространёнными в литературе являются следующие взгляды на предмет нарушения ветеринарных правил: 1) «непосредственно ветеринарные правила» (Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов); 2) «здоровье домашних и диких животных, охраняемое ветеринарными правилами» (А.В. Борбат); 3) «порядок деятельности по выявлению, профилактике, борьбе с заболеваниями животных» (О.Л. Дубовик); 4) «как домашние, так и дикие животные, находящиеся в естественном состоянии в природной среде или изъятые из окружающей среды и содержащиеся под контролем человека» (Э.Н. Жевлаков, Ю.И. Ляпунов, С.Ф. Миловидова, В.А. Нерсисян, Л.Ю. Родина, В.Я. Таций, И.М. Тяжкова); 5) «собственно биологическая структура объектов природной среды» (В.В. Сверчков).

Таким образом, большинство исследователей предметом нарушения ветеринарных правил считают домашних и (или) диких животных. Вместе с тем господствующее мнение, на наш взгляд, не в полной мере корреспондируется с объёмом понятия «предмет преступления». Классическими примерами воздействия на животных, когда нарушаются или могут быть нарушены конкретные общественные отношения, являются незаконная добыча рыбы или водных животных (ст. 281 УК РФ), незаконная охота (ст. 282 УК РФ) или экоцид (ст. 131 УК РФ). Так, деяние виновного лица непосредственно направлено на истребление диких животных или рыбных ресурсов, что в свою очередь нарушает установленный порядок социальных связей между субъектами в сфере обеспечения экологической безопасности. Анало-

гичная ситуация наблюдается при хищениях (гл. 24 УК РБ): лицо, воздействуя на чужое имущество (т.е. похищая его любым из предусмотренных уголовным законом способом), причиняет вред отношениям собственности.

При нарушении же ветеринарных правил деяние лица не направлено на животных в натуре. Во-первых, воздействие на самих животных может причинить вред охраняемым общественным отношениям только при возникновении массовых незаразных болезней животных (отравлений). В то же время указанное самостоятельное общественно опасное последствие нарушения ветеринарных правил не предусмотрено в диспозиции статьи 284 УК РБ. Во-вторых, согласно дефиниции «ветеринарно-санитарные правила» (п. 13 ч. 1 ст. 1 Закона РБ от 02.07.2010 № 161-3 «О ветеринарной деятельности» (далее – Закон № 161-3), и следуя логике большинства исследователей, к предмету преступления, предусмотренного статьей 284 УК РБ, следует также относить продукты животного происхождения, трупы животных, ветеринарные средства, препараты, корма и кормовые добавки и тп. Вместе с тем в работах указанных выше исследователей такой подход не встречается.

На наш взгляд, наиболее приемлемой представляется позиция, первоначально предложенная О.Л. Дубовик [9, с. 735], которая, однако, нуждается в уточнении. Так, под предметом нарушения ветеринарных правил следует понимать: *«санкционированный режим деятельности уполномоченных субъектов по профилактике, выявлению, лечению и ликвидации болезней животных (как заразных, так и незаразных, в том числе отравлений) и последствий возникновения таких болезней».*

Базисной в отечественной науке уголовного права является определение объективной стороны состава преступления как совокупности предусмотренных законом признаков, характеризующих внешнюю сторону общественно опасного поведения, посягающего на охраняемый уголовным законом объект, а также объективные обстоятельства и условия такого поведения [1, с. 99].

Материальному составу преступления, предусмотренного статьей 284 УК РБ, характерны три обязательных признака объективной стороны: 1) деяние – нарушение ветеринарных или зоотехнических правил; 2) последствия в виде распространения заразных болезней животных либо причинения ущерба в крупном размере; 3) причинная связь между нарушением бланкетных правил и общественно опасными последствиями.

Юридикотехнически рассматриваемый состав сконструирован, как и некоторые другие составы экологических преступлений (ст. 271, 273, 278-280, 283 УК РБ), с использованием бланкетной диспозиции, т.е. оборота «нарушение правил». Для уяснения всех признаков состава нарушения ветеринарных правил следует обращаться к отраслевому законодательству. Общественно опасное деяние как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 284 УК РБ, заключается в нарушении различных по предмету и содержанию ветеринарных, ветеринарно-санитарных и зоотехнических правил [12, с. 768 – 769].

В подавляющем большинстве источников при описании деяния как признака объективной стороны состава преступления используется перечисление возможных вариантов противоправного поведения субъекта, а не методологический подход. Например, В.К. Потапов указывает на то, что основаниями привлечения к уголовной ответственности при наличии последствий, предусмотренных в статьях 284 УК РБ, являются: нарушение правил карантина, уклонение от проведения обязательных мероприятий по предупреждению болезней животных и т.п. [13, с. 62 – 63]. Вместе с тем текстуально учесть все объективно возможные варианты преступного поведения представляется весьма затруднительным.

Достаточно остро стоит вопрос и о содержательном аспекте деяния как признака объективной стороны состава нарушения ветеринарных правил. Согласно бланкетной диспозиции статьи 284 УК РБ, пределы уголовной ответственности ограничены нарушением лишь массива ветеринарных и зоотехнических правил. Таким образом, обнаруживается конфликтность текста диспозиции уголовного закона с бланкетным законодательством. Текстуально диспозиция статьи 284 УК РБ ориентирована на Закон РБ от 02.12.1994 № 3423-ХП «О ветеринарном деле» (далее – Закон № 3423-ХП), который действовал в период разработки и принятия действующего УК. Причём в Законе № 3423-ХП отсутствовала легальная дефиниция термина «ветеринарные правила», что являлось предпосылкой для его ограничительного или, наоборот, распространительного толкования. Новый Закон № 161-3 (п. 13 ч. 1 ст. 1) унифицировал и стандартизировал весь массив специальных правил посредством использования несколько иной формулировки, а именно «ветеринарно-санитарные правила».

В то же время на уровне подзаконного регулирования действует достаточно большое количество ещё не унифицированных и негармонизированных нормативных правовых актов, оперирующих устаревшими терминами (например, Постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь (далее – Минсельхозпрод) от 03.03.2008 № 15 «Об утверждении ветеринарных правил проведения ветеринарно-санитарной экспертизы и др.). Особое место занимают совместные постановления Минсельхозпрода и Министерства здравоохранения Республики Беларусь (далее – Минздрав) (например, постановления от 10 апреля 2003 г. № 20/52 «Об утверждении ветеринарных и санитарных

правил по профилактике и борьбе с сибирской язвой» и др.), которые принимались в развитие законов Республики Беларусь от 23.11.1993 № 2583-ХП «О санитарно-эпидемическом благополучии населения» и 02.12.1994 № 3423-ХП «О ветеринарном деле». Данное обстоятельство является предпосылкой для возникновения конкуренции бланкетных составов преступлений, предусмотренных статьями 284 и 336 УК РБ.

В этой связи формулировка «ветеринарно-санитарные правила» имеет более универсальный характер. Вместе с тем и она не лишена недостатков. Объём ветеринарно-санитарных правил лимитирован массивом только **технических** нормативных правовых актов (п. 25 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах»). Причём при перечислении технических нормативных правовых актов упоминаются «зооигиенические, ветеринарные, ветеринарно-санитарные нормы и правила», что в свою очередь диссонирует с положениями Закона № 161-З и создаёт определённую правовую путаницу.

В этой связи правила, регламентирующие способы противодействия распространению заразных болезней животных, которые содержатся в документах Международного эпизоотологического бюро (МЭБ), соглашениях в рамках Таможенного Союза Республики Беларусь, Российской Федерации и Казахстана (далее – Таможенный союз), Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 27.02.2013 № 130 «О некоторых вопросах ветеринарной деятельности» и других законодательных актах, по сути, выпадают из правового поля диспозиции статьи 284 УК РБ.

Следует отметить, что при подготовке проектов Модельного УК для государств-участников СНГ (далее – Модельный УК), УК РБ его разработчики попросту не имели объективной возможности предвидеть возможности как создания Таможенного союза, так и принятия нормативных правовых актов на надгосударственном уровне. Вместе с тем сложившиеся реалии в обозримом будущем потребуют унификации уголовного и административно-деликтного законодательства в области обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности государств-участников Таможенного союза.

Дефинитивный статус «зоотехнических правил» нормативно не определён вовсе. К примеру, В.В. Марчук указывает, что это «предусмотренные законодательством зооигиенические требования, которые следует выполнять при разведении животных» [14, с. 625].

Такое положение дел даёт основания полагать, что казуистичность термина «ветеринарно-санитарные правила» во многом затрудняет применение рассматриваемой уголовно-правовой нормы на практике. В дополнение к этому, зачастую на уровне подзаконного регулирования регламентация некоторых ветеринарно-санитарных правил отсутствует вовсе либо находится на стадии разработки. Это обстоятельство позволяет виновному лицу при фактическом нарушении специальных правил и наступления предусмотренных в УК последствий избежать уголовной ответственности в силу отсутствия соответствующих бланкетных нормативных правовых актов.

Действующий УК связывает окончанный состав нарушения ветеринарных правил с наступлением общественно опасных последствий в виде распространения заразных болезней животных или причинения ущерба в крупном размере. В доктрине уголовного права такой состав преступления принято называть материальным. Соответственно, общественно опасное последствие является самостоятельным признаком объективной стороны состава нарушения ветеринарных правил.

Для целей настоящего исследования будем придерживаться определения, предложенного А.А. Пинтовским: общественно опасные последствия (преступный результат) – это те, предусмотренные уголовным законом изменения в окружающем мире, которые производятся под влиянием действия или бездействия лица и причиняют ущерб тем или иным охраняемым законом объектам или создают опасность такого причинения. Нормативно такой подход был закреплён в УК Казахской ССР (ст. 160) – наказуемыми презюмировались случаи, когда эпизоотия заведомо для виновного могла наступить, УК Эстонской ССР – ответственность наступала за создание угрозы распространения опасных заразных болезней (ч. 1 ст. 211).

Примечательно, что согласно статье 15.38 Кодекса РБ об административных правонарушениях от 21.04.2003 № 194-З (далее – КоАП) наказывается *непосредственно сам факт* нарушения ветеринарных, ветеринарно-санитарных или зоотехнических правил. Далее, в контексте повышения общественной опасности, уголовному преследованию подлежат факты нарушения ветеринарных правил, *повлекшие последствия*, предусмотренные статьей 284 УК РБ. Следовательно, ответственность за нарушение ветеринарных правил, создавшее реальную угрозу распространения заразных болезней животных, не предусмотренная нормами ни административно-деликтного, ни уголовного законодательства.

Следует также отметить, что необходима дифференциация обстоятельств, когда реальная возможность наступления последствий может быть свойством только самого нарушения ветеринарных правил (например, сокрытие факта внезапного падежа животных) и когда они являются свойством тех изменений в реальной действительности (по сути последствий), которые вызваны поведением виновного лица (например, перемещение в Беларуси инфицированных животных без прохождения ветеринарного контроля).

Постановка вопроса о криминализации создания реальной угрозы распространения заразных болезней животных обоснована и с точки зрения эпизоотологии как области специальных знаний. Как от-

мечает А.Л. Скоморохов, «проникновение возбудителя болезни в чувствительный организм вовсе не обязательно вызывает соответствующее заболевание» [15, с. 55]. Это может быть обусловлено различной степенью вирулентности возбудителя (способности заражать здоровый организм) и резистентности (сопротивляемости) конкретного организма. При этом не отрицается само обстоятельство существования опасности инфицирования человека/животного заразной болезнью.

Исследователи В.В. Марчук [14, с. 626], В.К. Потапов [13, с. 64] пишут, что под распространением заразных болезней животных следует понимать «заболевание хотя бы одного животного инфекционной или инвазионной (вызываемой животными паразитами) болезнью». Таким образом, юридически окончанным рассматриваемый состав признаётся с момента болезни хотя бы одного животного.

Нормативно, согласно пункту 18 части 1 статьи 1 Закона № 161-3 заразные болезни животных – это болезни, возникновение и распространение которых обусловлено воздействием возбудителей заразных болезней животных и возможностью передачи другим животным и (или) человеку. Это обстоятельство даёт основание полагать, что формулировка «распространение заразных болезней животных» должна иметь двойственный характер. Уголовно-противоправным могут признаваться как трансмиссия исключительно болезней животных, так и болезней, общих для животных и человека. Поэтому существующее объединение в рамках одной текстуальной формулировки по сути двух самостоятельных общественно опасных последствий вряд ли можно считать удачной.

Интересной представляется точка зрения И.Ш. Борчашвили и С.Я. Булатова, которые совершенно справедливо при характеристике общественно опасных последствий нарушения ветеринарных правил упоминали не все заразные болезни, а только опасные как для животных, так и для людей. На сегодняшний день достаточно рационально пункт 18 части 1 статьи 1 Закона № 161-3 детерминирует методологию к идентификации «заразных болезней животных». Вместе с тем с уголовно-правовой точки зрения законодательная формулировка содержит достаточно серьёзный недостаток – указывает только лишь на механизм передачи болезни, игнорируя при этом социально опасный характер и общественную опасность самого заболевания.

Сложившуюся проблему мог бы решить Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 345-3 «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (далее – Закон № 345-3). В соответствии с преамбулой и пунктом 9 части 1 статьи 1 Закона № 345-3 «заболевание, представляющее опасность для здоровья населения», т.е. «социально опасное заболевание», – заболевание, распространение которого создает угрозу личной, общественной и национальной безопасности (в том числе влечет значительное ухудшение здоровья нации, вызывает необходимость применения комплекса эффективных мер в целях предупреждения его распространения) и которое включено в перечень заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, определяемый Минздравом Республики Беларусь. Однако в указанном перечне [16] к болезням, общим для человека и животных, можно отнести только сибирскую язву и геморрагические лихорадки Ласса, Марбург, Эбола. Безусловно, такой подход не решает сложившуюся проблему. Например, согласно базовому Закону Республики Казахстан от 10.07.2002 № 339-III «О ветеринарии» [17] болезни животных на основе критериев общественной (социальной) опасности и механизма передачи дифференцированы на 1) особо опасные, 2) заразные, 3) незаразные и 4) энзоотические. Такое решение может быть внедрено и в Закон № 161-3.

Следует отметить, что в литературе к последствиям нарушения ветеринарных правил относят случаи «массовой гибели животных», которые, как совершенно справедливо отмечает О.Л. Дубовик, не подпадают под признаки эпизоотии или распространения заразных болезней животных [18, с. 616]. Эпизоотия – это распространение в первую очередь инфекционных болезней животных, характеризующихся различной степенью контагиозности (т.е. заразности). В данном же случае речь идёт о так называемых «незаразных (внутренних) болезнях животных» – болезнях внутренних органов неинфекционной этиологии, которые не предусмотрены в качестве самостоятельного общественно опасного последствия нарушения ветеринарных правил. Основной экономической ущерб сельскому хозяйству причиняется посредством массового распространения именно незаразных болезней животных [19, с. 123].

Незаразные (внутренние) болезни животных – это болезни, в том числе отравления, возникновение которых обусловлено ненадлежащими условиями содержания, кормления, ухода и хозяйственной эксплуатации животных, и болезни, не обладающие контагиозностью (т.е. не передаются от больного животного к здоровому [20, с. 56], например, диспепсия, тимпания). По сути, такие болезни возникают под влиянием абиотических факторов, т.е. факторов среды обитания. Считаю необходимым закрепить аналогичную дефиницию в Законе № 161-3. Таким образом, массовые незаразные (внутренние) болезни животных наряду с «заразными болезнями животных, опасными исключительно для животных» и «заразными болезнями, опасными (общими) для животных и человека», могут рассматриваться в качестве самостоятельных общественно опасных последствий нарушения ветеринарных правил.

В соответствии с частью 2 примечаний к главе 26 УК РБ «Преступления против экологической безопасности и природной среды» крупным размером нарушения ветеринарных правил признаётся размер ущерба, в 250 раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. В данном случае законодатель связывает окончанный состав нарушения ветеринарных правил с причинением вреда в крупном размере. Например, в результате падежа значительного числа животных или при уничтожении заражённой продукции животного происхождения [14, с. 626].

Заслуживающим внимания представляется мнение Г.В. Дашкова, П.Т. Некипелова, В.В. Коряковцева и К.В. Питулько, которые предлагали считать распространение эпизоотии или заразных болезней животных окончанным преступлением, в независимости от фактического падежа животных, только в силу значительных материальных затрат на ликвидацию её последствий. Констатация заболевания животного вовсе необязательно должна приводить к его гибели. Вместе с тем некоторые болезни могут значительно снижать технологические характеристики животных. Например, при фасциолёзе на 20 – 25 % снижаются надои, трихомоноз обуславливает большую (25 – 50 %) яловость (отсутствие приплода) коров [19, с. 117 – 120].

Стоит отметить, что и мероприятия по ликвидации случаев возникновения заразных болезней животных практически всегда предполагают значительные финансовые затраты как для сельскохозяйственной организации, так и местных органов управления и самоуправления. К примеру, при выявлении случаев заболевания высокопатогенным гриппом птиц в хозяйстве или населённом пункте вводится карантин, а вся больная и подозрительная по заболеванию птица подлежит забою и сжиганию. В неблагополучном хозяйстве насесты, кормушки, остатки корма, навоз, подстилка и т.п. также сжигаются. Оставшаяся птица подлежит вакцинации [21, с. 154].

Материальная конструкция объективной стороны состава нарушения ветеринарных правил предполагает обязательное установление причинной связи между совершенным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Субъективные элементы. Субъект преступления – это вменяемое лицо, которое достигло установленного законом возраста и находилось в состоянии вменяемости в момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного УК [1, с. 122].

В советской юридической литературе субъект нарушения ветеринарных правил не был определён достаточно чётко. Общепринятым среди советских учёных-криминалистов (Н.А. Беляев, С.Я. Булатов, В.А. Владимиров, М.А. Гельфер, М.А. Ефимов, В.Ф. Кириченко, Б.М. Леонтьев, Ю.И. Ляпунов, В.В. Сташис, П.С. Тоболкин, Е.А. Фролов, В.А. Шкурко) считалось мнение, что субъектом этого преступления могут быть как частные, так и должностные лица.

Более обстоятельно субъект нарушения ветеринарных правил был описан в работе И.А. Гельфанда. Он выделял три группы субъектов: 1) должностные лица, в служебную обязанность которых входит непосредственное выполнение ветеринарных правил или контроль за их выполнением (руководители сельскохозяйственных предприятий, представители органов ветеринарно-санитарного надзора); 2) недолжностные лица, если выполнение ветеринарных правил входило в их служебные обязанности (работники совхозов и колхозов, пастухи, конюхи); 3) частные лица – владельцы домашних животных и птицы, обязанные соблюдать ветеринарные правила [22, с. 163 – 164]. Такая позиция поддерживалась М.И. Блумом, А.В. Галаховой, Г.В. Дашковым, Г.Л. Кригером, П.П. Михайленко, П.Т. Некипеловым.

Исследователь В.А. Куличенко полагал, что для состава нарушения ветеринарных правил характерно наличие только специального субъекта преступления. В качестве дополнительных признаков субъекта им рассматривались: должностное положение лица либо «прохождение специальной подготовки, или владение навыками ветеринарного дела, или обладание хотя бы минимальной суммой ветеринарных знаний, необходимых для исполнения трудовых обязанностей» [23, с. 93]. Такое решение, безусловно, сужало реальный массив возможных субъектов нарушения ветеринарных правил.

В диспозиции статьи 284 УК РБ отсутствует конкретное указание на возможных субъектов данного преступления. В этой связи большинством современных исследователей (А.В. Борбат, Т.И. Ваулина, Э.Н. Жевлаков, Н.Г. Иванов, А.Г. Кибальник, А.Г. Князев, Н.А. Лопашенко, И.Л. Марогулова, В.В. Марчук, А.Б. Мельниченко, А.В. Наумов, В.А. Нерсисян, В.П. Ревин, В.В. Сверчков, И.М. Тяжкова, Д.Б. Чураков, А.И. Чучаев, Б.В. Яцеленко) справедливо отмечается, что уголовной репрессии могут быть подвергнуты вменяемые, достигшее 16-летнего возраста, как частные, так и должностные лица, которые обязаны соблюдать ветеринарные правила. Несмотря на выделение указанного дополнительного признака, к субъектам данного преступления можно отнести почти неограниченный круг лиц: владельцы животных; водители транспортных средств, нарушающие правила перевозки животных через границу; индивидуальные предприниматели; члены крестьянских (фермерских) хозяйств; должностные лица сельскохозяйственных организаций; представители органов ветеринарно-санитарного надзора; уполномоченные лица местных органов управления и самоуправления и т.д.

Наиболее широкого подхода придерживаются: И.Ш. Борчашвили, О.Л. Дубовик, В.В. Коряковцев, Ю.И. Ляпунов, С.Ф. Миловидова, К.В. Питулько, Л.Ю. Родина, которые предлагают в качестве субъекта нарушения ветеринарных правил рассматривать любое лицо (в том числе должностное), вменяемое, достигшее возраста уголовной ответственности.

Указанные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии стабильного понимания, какие именно категории граждан могут являться субъектом нарушения ветеринарных правил. В свою очередь, отсутствие дифференциации субъектов нарушения ветеринарных правил не позволяет учитывать характер и степень общественной опасности, совершенных ими деяний.

В этой связи, солидаризируясь с идеями И.А. Гельфанда, полагаем, что весь массив лиц, обязанных соблюдать ветеринарные правила, можно условно дифференцировать на несколько групп: 1) должностные лица, обязанные обеспечивать соблюдение ветеринарных правил по роду деятельности, в силу занимаемого должностного положения или требований нормативных правовых актов и т.п. (ответственные лица местных исполнительных и распорядительных органов, руководители (и их заместители) сельскохозяйственных организаций и их структурных подразделений и др.); 2) не должностные лица, если выполнение ветеринарных правил входило в их служебные обязанности (пастухи, доярки, конюхи, скотники, водители транспортных средств, нарушающие правила перевозки животных, проводники, зоотехники, рабочие скотобоев и мясокомбинатов, ветеринарные фельдшеры, охотники, члены бригад по отлову безнадзорных животных, индивидуальные предприниматели, осуществляющие ветеринарную деятельность и др.); 3) специалисты ветеринарной службы; 4) частные лица, обязанные соблюдать ветеринарные правила.

Безусловно, достигнуть абсолютного разделения возможных субъектов по конкретным группам не представляется возможным. По крайней мере, в силу того, что признаки различных категорий могут одновременно присутствовать у одного и того же субъекта.

Субъективная сторона преступления выражает внутреннее, психическое отношение лица к своему общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям посредством вины, мотива и цели совершения преступления [1, с. 137].

В уголовном праве советского периода, отсутствие в тексте закона прямого указания на форму и вид вины в диспозиции состава нарушения ветеринарных правил предопределили возникновение различных точек зрения среди учёных. Одна группа исследователей полагала, что нарушение ветеринарных правил может быть совершено только по неосторожности в форме преступной самонадеянности или преступной небрежности (И.А. Гельфанд, М.А. Гельфер, Э.Н. Жевлаков, Г.Л. Кригер, П.П. Михайленко, П.Т. Некипелов); другая – умышленно или неосторожно (М.А. Ефимов, В.Ф. Кириченко, П.С. Тоболкин, В.А. Шкурко); третья – умышленно или неосторожно по отношению к нарушениям правил и неосторожно – к последствиям (И.А. Гельфанд, Г.В. Дашков, Ю.И. Ляпунов, В.В. Сташис); четвёртая – умышленно или неосторожно к нарушениям правил и неосторожно или с эвентуальным умыслом к последствиям (Н.А. Беляев, С.Я. Булатов, В.А. Владимиров, А.В. Галахова, Б.М. Леонтьев, М.М. Муллаев, Е.А. Фролов).

Для современных исследователей рассматриваемая проблема также сохраняет свою актуальность. Так, В.В. Коряковцев, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Ляпунов, В.В. Марчук, К.В. Питулько, И.М. Тяжкова дифференцировали форму вины по отношению к деянию и последствиям, указывая, что к факту нарушения ветеринарных правил у лица может быть умысел и неосторожность, в то время как к последствиям – только неосторожность.

Российский учёный О.Л. Дубовик утверждала, что «по субъективной стороне данное преступление совершается с двойной формой вины: умысел к деянию, неосторожность к последствиям» [10, с. 146].

Исключительно на неосторожную форму вины при нарушении ветеринарных правил в своих работах указывали: А.В. Борбат, Т.И. Ваулина, Э.Н. Жевлаков, А.Г. Кибальник, А.Г. Князев, А.Б. Мельниченко, С.Ф. Миловидова, В.В. Наумов, В.В. Сверчков, Д.Б. Чураков, А.И. Чучаев.

Совокупность указанных обстоятельств позволяет заключить, что среди исследователей отсутствует чёткое понимание социально-правовой природы криминализации рассматриваемого деяния. Интенцией законодателя являлась уголовно-правовая охрана личности, социума, биосферы и собственности от посягательства, сопряженного с неосторожным распространением заразных болезней животных.

Преступление, предусмотренное статьёй 284 УК РБ, по форме вины относится к неосторожным. Следовательно, в силу материальной конструкции объективной стороны состава нарушения ветеринарных правил вина может быть выражена либо в виде легкомыслия (лицо предвидит возможность распространения заразных болезней животных либо причинение ущерба в крупном размере, но без достаточных оснований рассчитывает на предотвращение таких последствий), либо небрежности (лицо не предвидит возможности наступления указанных общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть).

Известный учёный В.В. Марчук отмечал, что «само нарушение ветеринарных правил может быть совершенно сознательно либо по небрежности, и данное обстоятельство должно быть учтено при опре-

деления формы реализации уголовной ответственности» [14, с. 626]. Полагаем, что на данном этапе развития национального уголовного законодательства такое решение проблемы представляется обоснованным в силу формулировки, закреплённой в статье 23 УК РБ. В частности, речь идёт о том, что в существующей законодательной модели легкомыслия и небрежности не раскрыты полностью интеллектуальные признаки отношения лица к деянию [24, с. 124 – 137].

Например, при совершении преступления по легкомыслию лицо не сознаёт общественного опасного характера своего деяния в силу того, что у него имеется определённый расчёт (хоть и легкомысленный по своему содержанию), который должен исключить наступление общественно опасных последствий. В свою очередь, при небрежности лицо не только не сознаёт общественного опасного характера своего деяния, но и не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Таким образом, более обоснованной представляется позиция, согласно которой лицо, которое действует вопреки требованиям определённых нормативных правовых актов, субъективно не рассматривает это как нарушение ветеринарных правил. Оно полагает, что негативные последствия таких деяний не наступят вовсе (выгон в общее стадо вновь приобретенных животных без соблюдения карантинных сроков), либо легкомысленно рассчитывает на их предотвращение (специалист ветеринарной службы проводит обязательную вакцинацию животных препаратами с истёкшим сроком годности). Следовательно, осознанное (умышленное) нарушение ветеринарных правил, заведомо создавшее угрозу распространения заразных болезней и т.п., может рассматриваться как самостоятельное преступление.

Отмеченная позиция в наибольшей степени будет отражать психологическую и социально-психологическую сущность неосторожной вины в УК РБ: лицо недостаточно внимательно относится к охраняемым законом интересам [24, с. 134].

Настоящее исследование позволило сформулировать следующие **выводы**:

1) существующая редакция статьи 284 УК РБ в контексте описания объективных и субъективных элементов и их признаков состава нарушения ветеринарных правил не позволяет в полном объёме осуществлять уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности;

2) оптимизация положений статьи 284 УК РБ возможна путём построения системы норм, представляющих собой чёткий уголовно-правовой механизм охраны общественных отношений в сфере обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – 496 с.
2. Расторопов, С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива / С. Расторопов // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 37 – 40.
3. Козаченко, И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник / И.Я. Козаченко; отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2008. – 1008 с.
4. Коряковцев, В.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.В. Коряковцев, К.В. Пикулько. – СПб.: Питер принт, 2006. – 848 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.И. Булавин [и др.]; отв. ред. А.А. Чекалин; науч. ред. В.Т. Томин, В.В. Сверчков. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 1264 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и особенная части / И.Ш. Борчашвили [и др.]; под ред. И. Ш. Борчашвили; М-во внутренних дел Респ. Казахстан, Караганд. юрид. ин-т МВД РК им. Б. Бейсенова. – Алматы: Жеті жарғы, 2007. – 992 с.
7. Уголовное право. Часть общая. Часть особенная: учебник / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – М., 1999. – 784 с.
8. Лопашенко, Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 350 с.
9. Курс российского уголовного права. Особенная часть / В.Н. Кудрявцев [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2002. – 1040 с.
10. Применение ответственности за экологические правонарушения: учеб.-метод. пособие для прак. работников / Ин-т государства и права Рос. акад. наук; М.М. Бринчук [и др.]; отв. редактор О.Л. Дубовик. – М.: Городец, 2007. – 544 с.

11. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002. – Т. 1: Учение о преступлении. – 660 с.
12. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.Э. Жалинский (отв. ред.). – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 1088 с.
13. Наумова, В.В. Экологические преступления / В.В. Наумова, В.К. Потапов. – Минск: ЦОТЖ, 2005. – 178 с.
14. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
15. Скоморохов, А.Л. Профилактика и ликвидация заразных болезней животных / А.Л. Скоморохов. – Л.–М.: Сельхозгиз, 1951. – 368 с.
16. Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь: Постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 15 июня 2012 г. № 75 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – 8/26072.
17. Закон о ветеринарии Республики Казахстан от 10 июля 2002 года № 339 // Юрист-комплекс правовой информации (Законодательство) Республики Казахстан Параграф-www [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1032052. – Дата доступа: 10.01.2013.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С.В. Бородин [и др.]. – М.: Юристь, 1997. – 823 с.
19. Ятусевич, А.И. Экономика и организация ветеринарной медицины: практ. пособие / А.И. Ятусевич, Н.С. Безбородкин, В.В. Максимович. – Витебск: УО «ВГАВМ», 2006. – 303 с.
20. Эпизоотология с микробиологией / И.А. Бакулов [и др.]; под ред. И.А. Бакулова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Агропромиздат, 1987. – 415 с.
21. Заразные болезни, общие для животных и человека: справ. пособие / А.И. Ятусевич [и др.]. – Витебск: ВГАВМ, 2011. – 480 с.
22. Гельфанд, И.А. Хозяйственные и должностные преступления в сельском хозяйстве / И.А. Гельфанд. – Киев: Изд-во МВД УССР, 1970. – 251 с.
23. Куличенко, В.А. Уголовная ответственность за нарушение ветеринарных правил: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Куличенко. – Омск, 1992. – 193 с.
24. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012. – 366 с.

Поступила 01.10.2013

**CRIMINAL LIABILITY FOR INFRINGEMENT OF VETERINARY RULES
(ART. 284 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

A. PUHOV

In the article objective und subjective elements of crime and their features, stated in art. 284 of the criminal code of the Republic of Belarus, are analyzed. According to the blanket disposition of the art. 284 of the Criminal Code Republic of Belarus penalized infringement of veterinary or zootechnical rules, resulting in reckless spread of infectious diseases of animals or damage on a large scale. Therefore, the limits of liability for acts associated with transmission of the infectious diseases of animals, are set by a single standard. The need for development of adequate and effective system of the criminal rules of law providing liability for acts, interfaced to transmission of infectious diseases of animals is noted.